

Эрнест Сетон-Томпсон — имя, которое люди по всему миру сразу вспоминают при разговоре о рассказах о животных. Да, именно этот человек положил начало такому популярному жанру, как зообеллетристика. В русской литературе возникновением этого жанра мы обязаны Льву Николаевичу Толстому.

Эрнест Эван Томпсон (так звали будущего писателя) родился в Великобритании в 1860 году в шотландской семье. Его отец Джозеф Логан Томпсон происходил из дворянского рода, долгое время был успешным судовладельцем, но в 1866 году потерял своё состояние, и семья Томпсон переехала в Канаду, в Онтарио. Там глава семейства пробовал себя в фермерстве, но не достиг особого успеха, и семья снова переехала в 1870 году, теперь уже в Торонто (Канада). Судя по всему, эти жизненные перипетии не самым лучшим образом отразились на психике и без того деспотичного Джозефа. Мальчик все хуже с ним ладил и, чтобы как можно меньше времени проводить дома, часто уходил бродить в ближайший лес. Безусловно,

жаль, что детство малыша было омрачено, но кто знает, может, именно благодаря этому мы можем наслаждаться таким богатым и прекрасным литературным наследием Эрнеста Томпсона.

В лесу Эрнест изучал и рисовал животных. Склонность к рисованию у него отмечалась с раннего детства. У него даже появилась наставница в лице известной в арт-кругах деятельницы. Она помогала ему не только подсказками и советами, но даже и финансово, чтобы он мог учиться в Школе искусств Онтарио (современное название — Колледж искусства и дизайна Онтарио) — крупнейшем и старейшем в Канаде университете искусства и дизайна. Свой первый сборник рассказов «Дикие животные, как я их знаю» (1898) Эрнест дополнил собственными рисунками — набросками на полях книги. Эти наброски, с одной стороны, выглядели довольно просто и непритязательно, а с другой — прекрасно поясняли описания жизни животных и составляли с текстом единое целое. Сборник содержит восемь драматических «биографий» разных зверей от детства до глубокой старости или преждевременной гибели (обычно от неоправданной человеческой жестокости). Книга привела в восторг читателей, была переиздана множество раз.

В 1879 году Эрнест окончил Школу искусств с золотой медалью и поехал продолжать изучать искусство в Лондон. Там уже в 1880 году он получил семилетнюю стипендию Королевской академии художеств, но вынужден был прекратить обучение и через год вернуться на родину к семье. Связано это было с сильно подорванным здоровьем из-за плохих условий жизни и неправиль-

ного питания. Семья прислала ему билет, и он вернулся в Торонто. На родине он быстро восстановился, однако его отношения с отцом совсем испортились. Когда юноше исполнился 21 год, отец выставил ему счёт на все расходы, связанные с его детством и юностью, включая оплату договора на его роды. На тот момент Эрнесту нечем было расплатиться за такой «подарок» на день рождения, и он устроился на работу иллюстратором рождественских открыток, чтобы на заработанные деньги начать жить отдельно от родителей. Счет он позднее все же оплатил. Однако с тех пор с отцом не общался и принял решение изменить фамилию, добавив к ней вторую часть. Так появился Эрнест Сетон-Томпсон. Все это писатель подробно рассказал в своей автобиографии «Моя жизнь» (1940).

Эрнест переехал в Манитобу (провинция Канады). Большинство людей в Манитобе занимались фермерством, однако поклонник животных предпочел быть полевым натуралистом. Все свободное время Томпсон проводил в лесах и прериях. Он изучал ландшафт, знакомился с дикой природой, собирал образцы флоры и фауны и обязательно все подробно записывал в свой журнал, с которым не расставался. Его поведение казалось непонятным местным жителям, и он прослыл лентяем и странноватым типом. Однако эти на первый взгляд праздные прогулки в конце концов переросли в статьи по естествознанию и переговоры с Биологической службой США. Томпсон приобрел себе друзей в этой области и стал частым гостем в Нью-Йорке. В итоге «странный натуралист» был

признан в Манитобе и даже назначен официальным натуралистом в правительстве провинции.

Увлечение живописью при этом никуда не исчезло, и с 1890 по 1896 год Сетон изучал изобразительное искусство в Париже. Большое количество книг Томпсона издано именно с его собственными иллюстрациями. Его рисунки отличаются точностью и выразительностью. Уникальный триптих в одном человеке: литературный талант, владение живописным искусством и профессиональное знание предмета, о котором пишет.

В 36 лет Томпсон женился, а спустя 8 лет стал отцом. Его дочь Ани Сетон переняла литературный дар отца и стала известным историческим романистом. Когда семья обосновалась в своем поместье в Коннектикуте, возникли неприятности с местной молодежью. Подростки стали наведываться к Томпсонам и портить имущество. Эрнест долго думал, как выйти из этой ситуации, и в конце концов его решение повлияло как на разрешение конфликта, так и на дальнейшую судьбу и ребят, и самого ученого-натуралиста. Мужчина пригласил их в своё поместье на выходные. Он рассказывал им истории об американских индейцах, заманчиво описывал жизнь в гармонии с природой. В итоге ребята очень прониклись его идеями и спустя некоторое время сформировали группу лесных рейнджеров.

Так постепенно в голове у Эрнеста стала рождаться идея воспитания детей и молодежи. В 1902 году была опубликована первая из серии статей о выработанной им программе игрового воспитания на природе. Сетон-Томпсон разработал воспитательную систему «Пионеринг», связанную

с играми и бытом на природе. Он назвал её так в честь знаменитого романа Ф. Купера «Пионеры», рассказывающего о жизни первых поселенцев в Северной Америке. В понятие «пионеринг» входило выживание среди дикой природы, маскировка, тактические игры, походы, строительство переправ и навесов. В 1910 году Сетон стал председателем учредительного комитета бойскаутов США. Он написал первое руководство и был главным скаутом с 1910 по 1915 год. Но в комитете между учредителями возникли разногласия. Миротлюбивый Томпсон был настроен на систему, построенную по принципам американских индейцев (навыкам выживания среди дикой природы, маскировки, строительства переправ и навесов), остальные же учредители склонялись к скаутингу с военной направленностью.

Сетон ушел из скаутинга и возобновил свое собственное молодежное движение, объединившее более 15 000 молодых людей в Лос-Анджелесе и окрестностях. Со временем Томпсон даже получил американское гражданство.

Регулярное взаимодействие с индейцами подарило Томпсону большое количество дополнительных имен и прозвищ. Три из них были даны ему лидерами отдельных коренных народов Северной Америки: Ах-па-то (Ah-pas-to — говорящий по знакам), данное народом черноногих в 1916 году; Махто Ска (Mahto Ska), данное вождём янктонаев Белым Медведем в 1927 году, и Шунка Сапа (Shunka Sapa — чёрный волк), данное народом лакота. Были и другие прозвища — Шеф, ETS, Вольф Томпсон и Вольф Сетон.

Эрнест Сетон-Томпсон умер в американском штате Нью-Мексико 23 октября 1946 года, ему было 86 лет. По завещанию его тело было кремировано, и урна с прахом четырнадцать лет хранилась в доме. Но в столетнюю годовщину со дня рождения писателя, в 1960 году, его дочь от второго брака Ди (Бьюла Сетон-Барбер) и внук Ситон Коттнер (сын дочери от первого брака Ани Сетон) поднялись в небо на самолёте и развеяли прах над холмами Ситон-Вилладж.

Сетон-Томпсон написал около 40 книг, главным образом, посвящённых жизни диких животных. Несколько книг он посвятил быту и фольклору индейцев и эскимосов.

Сборник «Медвежонок Джонни. Лесные истории» объединил девять изумительных рассказов и повестей о животных.

Прекрасный перевод Николая Корнеевича Чуковского донес до нас не только точные описания и неподражаемые сюжеты, но и всю яркость и богатство литературного языка, которыми так выделяется Сетон-Томпсон среди многих писателей-анималистов.

Писателю удается сочетать научную точность с занимательностью повествования. В его текстах отсутствует привычный для рассказов о животных сентиментализм. Его животные не олицетворены, они не улыбаются, не разговаривают и не участвуют в фантастических чудесах. Но при этом они обладают другими человеческими качествами: яркой индивидуальностью, заботой, вниманием, умом, находчивостью, страхом и т.д. Его герои, как и люди, имеют не только внешний, но и психологический портрет, проявляют сложные

душевные качества. Кроме того, в повествованиях отразилась приверженность автора дарвиновской теории, это подтверждают: борьба за существование, естественный отбор, приспособляемость разных видов к природным условиям.

Молодой лис Домино обладает несомненным благородством («Домино», 1909 г.). Смекалка помогает ему спасти подругу от собак. Но кроме животных Сетон-Томпсон изобразил в этом рассказе и людей. Показал, как жестоки бывают люди, даже опаснее хищников. Автор крайне негативно относился к бессмысленному и бесцельному истреблению животных. Его общественная деятельность была в том числе посвящена и охране природы.

Томпсон любил выделять из животного мира особенно ярких представителей, находить в них индивидуальные неповторимые свойства. Как другие авторы посвящают свои произведения гениальным представителям человечества, так и Сетон искал высокоодаренных особей среди животных.

Таков главный герой ворон в «Серебряном пятнышке» (1898 г.). Он верховодит на холме стаей в 200 ворон, ему больше 20 лет. Его беспрекословно слушаются, а он, в свою очередь, готов пойти на любую жертву ради спасения своей стаи. В этом рассказе интересна параллель между жизнью ворон и жизнью людей. Например, воронята учатся в вороньей школе, а взрослые вороны распределяют свои обязанности и слушаются вожака.

Некоторые рассказы Томпсон писал в ответ на определенные ситуации собственной жизни. Так

возник отважный и благородный волк («Лобо», 1894). С этим рассказом связана история пребывания Сетона во Франции, где в начале 1890-х годов он писал книги по анатомии. В результате усердного труда, долгой работы с текстом на близком расстоянии у писателя начались проблемы со зрением. Эрнест получил рекомендации от врача не напрягать глаза как минимум шесть месяцев, так как ему грозила опасность ослепнуть. Томпсона такая перспектива не устраивала, поэтому он покинул Францию и устроился охотником на волков в Нью-Мексико к мистеру Фитц-Рэндольфу, с которым они познакомились при переходе через Атлантику. В результате той охоты и появилась история Лобо. Лобо — огромный старый волк, вожак небольшой волчьей стаи, которого по праву можно считать хозяином пастбищ Куррумпо в Новой Мексике. Он герой и разбойник одновременно. Но автор обращает внимание на один очень важный момент — у животных тоже есть сердце, более того, его, как и человеческое сердце, можно разбить. Это настолько глубокая мысль, что диву даешься, насколько Томпсон близко знал животный мир, как сильно он его прочувствовал и перенес это на страницы книги.

В первую очередь Томпсон изучал диких зверей, и на страницах его произведений их можно встретить чаще всего. Однако есть и исключения, например, рассказ про щенка «Чинк» (1901 г.) А также удивительный и необычный рассказ «Королевская аналостанка» (1905 г.) Это история о кошке, в какой-то степени и её можно назвать дикой, ведь что бы ни происходило, она никогда

не переставала считать себя свободной трущобной кошкой. И вновь Томпсон наделяет животного вполне человеческими качествами: свободолюбие, красота, смекалка. Увлекательная, полная самых неожиданных поворотов и приключений история вполне может претендовать на приключенческий роман.

«Джек — Боевой Конёк» (1904 г.) — еще один рассказ о почти домашнем животном, кролике, хотя и диком, но живущем в деревне. Здесь особенно громко заявлена тема свободы, которую Джек ценил превыше всего.

Несправедливая человеческая жестокость открыто изображена в рассказе «Тито» (1900 г.) Страшно, что жестокость эта формируется уже с детского возраста.

Отважный и благородный волк, мудрый ворон, стремительный кролик, резвый голубь, бесстрашная кошечка и многие другие, такие разные животные, но всех их объединяет способность на героические чувства и действия в борьбе с человеческой экспансией.

Ознакомиться с изумительным владением литературным слогом Сетона, который так прекрасно донес до русских читателей Николай Чуковский, можно на примере рассказа «Медвежонок Джонни» (1900 г.). Большой толстый медвежонок обитает со своей матерью Грэмпи (Злюкой) в Йеллоустонском парке. Этот парк нередко фигурировал в произведениях Сетона, так как имел для него большое значение. Ведь это первый в мире национальный парк (основан 1 марта 1872 года), он является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, международным биосферным заповедником. Находится

в США, на территории штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо. Парк знаменит многочисленными гейзерами и другими геотермическими объектами, богатой живой природой и живописными ландшафтами.

В рассказе «Медвежонок Джонни» Томпсон особенно ярко показал, насколько связаны человек и природа, человек и животное. Медведи, которые не боятся подходить к гостинице, отлично это демонстрируют. В этом тексте как раз показан результат мирного отношения к диким зверям, к которому автор призывал всю свою жизнь.

Рассказ изобилует *сравнениями*, причем часто животные сравниваются с человеком: «...здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя», «медведица издала странный звук, похожий на кашель», «они уселись наверху на ветках, точно мальчишки», «мать не сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыпленка».

Добавляют красоты и эмоциональности *метафоры* (так называемые скрытые сравнения): «медвежья столовая», «тощий Джим изучал анатомию древнего омара».

Эпитеты особенно радуют слух и взгляд: «блеклый скверный мех», «несоразмерно большие уши и брюхо», «мохнатое чудовище», «миролюбивый и счастливый Фэтти», «гибкая медвежья лапа».

Ну и, конечно, как же обойтись в рассказах о животных без *звукоподражаний*? «Кофф, кофф!», «ер-р-р, ер-р...».

В произведении затронута такая тема, как слепая любовь по отношению к ребенку. Причем мы

можем примерить эту тему как на животных, так и на людей. У малыша Джонни есть очевидные проблемы с пищеварением из-за неразборчивого питания, а Грэмпи лишь наблюдает, как сыночек с аппетитом поглощает все подряд, вместо того чтобы запретить ему. Она избаловала своего отпрыска и готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а вреднюга постоянно манипулирует ею.

В описываемом тексте фигурирует записная книжка рассказчика, и мы, конечно же, узнаем в ней ту самую книжку Томпсона, с которой он никогда не расставался, фиксируя свои наблюдения над миром природы.

Как уже говорилось ранее, направление, в котором написал свои анималистические произведения Сетон-Томпсон, — *реализм*. Поэтому финалы рассказов не всегда похожи на сказку, как нам хотелось бы. Порой жизнь и смерть идут бок о бок и победу одерживает не всегда жизнь. Становится грустно, но в этом и есть ценность литературного наследия Томпсона. Жизнь как она есть. Природа в ее разных проявлениях. Увлекательные выдуманные истории, но без капли лжи или приукрашивания. Фантазия, смешанная с реальными фактами.

Экранизации являются одним из показателей популярности литературных произведений. И в случае с творениями Эрнеста Сетона-Томпсона это в очередной раз подтверждается. Несколько его рассказов были экранизированы одной из самых значимых кинокомпаний — Walt Disney Productions: «Легенда о Лобо», «Король гризли». Существует советский фильм 1973 года на осно-

ве рассказа «Домино». И даже имеется несколько многосерийных японских аниме-сериалов.

А закончить хочется цитатой из произведения Сетона-Томпсона, которая очень тонко и точно описывает закон природы: *«...если хочешь мира и спокойствия, нужно сражаться и бороться»*.

ЛЕСНЫЕ ИСТОРИИ

ДОМИНО

История одного черно-бурого лиса

Часть первая

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

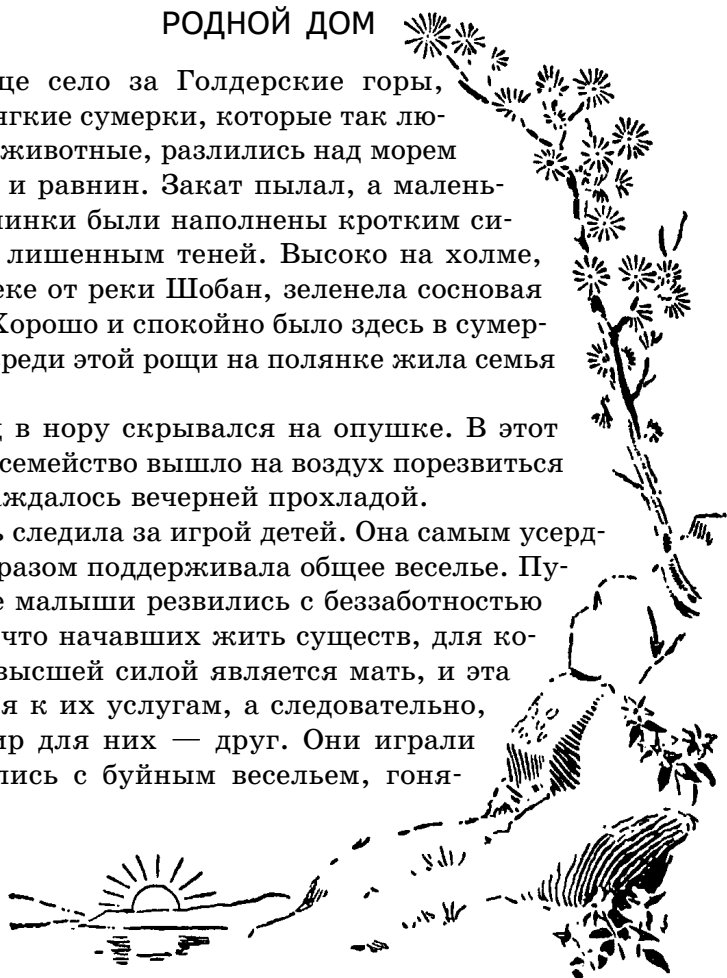
Глава I

РОДНОЙ ДОМ

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат пылал, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишенным теней. Высоко на холме, недалеко от реки Шобан, зеленела сосновая роща. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этой рощи на полянке жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час все семейство вышло на воздух порезвиться и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся к их услугам, а следовательно, весь мир для них — друг. Они играли и боролись с буйным весельем, гоня-

лись друг за другом, за мухами и жучками, смело принюхивались к толстым шмелям и бешено носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно уже брошенный обедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было засохшее утиное крыло. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Но вот его наконец схватил самый бойкий лисенок, с черной полосой поперек мордочки. Не уступая никому, он стал носиться по кругу со своей добычей, пока остальным не надоели бесполезная погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, но тотчас же вцепился в хвост матери и теребил его до тех пор, пока она внезапным прыжком не вырвала своего хвоста, опрокинув на спинку маленького забияку.

Во время этой суматохи на полянке появился старый лис. Увидев его, мать вздрогнула, лисята испугались, но знакомый облик тотчас же успокоил всех: это был отец.

Он нес пищу, и потому все жадно повернули в его сторону глаза и носы. Отец опустил на землю свою ношу — только что задушенную выхухоль, — и мать побежала за ней.

Охотники рассказывают, что лиса никогда не приносит добычу к самой норе, если лисята не дома. А в рассказах охотников иногда бывает и правда.

Мать швырнула выхухоль детям, и они набросились на нее. Они дергали и таскали зверька, рыча и страшно тараща глазенки друг на друга, и каждый отчаянно тряс головой, стараясь урвать свою долю добычи.

Мать смотрела на возню лисят с мертвой выхухолью, но в то же время поглядывала и на окружающий лес. Там всегда могли скрываться коварные враги: люди с ружьями, мальчишки и собаки, орлы

и совы — всем хочется поохотиться на маленьких лисят.

Она постоянно была настороже, и в этом ей помогал муж. Хотя он играл второстепенную роль в семейных делах и даже совсем не допускался в нору, пока лисята были еще слепыми сосунками, тем не менее добросовестно приносил пищу и сторожил нору.

Веселый пир малышей был в самом разгаре, как вдруг издали донеслось отцовское «юр-юр-юр-яап» — сигнал приближающейся опасности. Если бы лисята были побольше, они сами поняли бы значение этого сигнала. Но они были еще очень малы, и мать поспешила объяснить им, что надо делать: пересказав лисятам отдаленный лай отца низкими, угрожающими звуками, она загнала их обратно в нору, где в полутьме они спокойно покончили с выхухолью.

Среди ферм одной только Новой Англии живет не менее тысячи пар лисиц. Каждая пара ежегодно выводит детей, и потому весьма вероятно, что такие сцены, как только что описанная, происходят перед каждой лисьей норой в каждый хороший весенний день. Следовательно, не менее чем сто тысяч раз в год эти сцены повторяются у нас под самым носом, а между тем все это происходит в такой тайне, до того осторожны родители маленьких зверьков, что, быть может, лишь одному из ста тысяч людей посчастливится наблюдать подобную семейную сцену.

В городе Голдере таким счастливецом, одним из ста тысяч, оказался Абнер Джюкс. Это был долговязый, белобрысый, веснушчатый мальчишка, который лазил по деревьям за вороньими гнездами, вместо того чтобы пасти коров.

Он наблюдал за игрой лисят не просто как всякий мальчишка, а с трепетом будущего естествоиспытателя. Он тотчас заметил лисенка с черной маской на

морде, как бы одетого в домино¹, и радостно улыбался его штукам.

Мальчику и в голову не приходило мешать забавам малышей, но тем не менее он оказался невольным виновником неожиданного перерыва в игре, а также всех бедствий, обрушившихся на лисье семейство впоследствии.

Абнер охотился на лисиц только зимой. Он гордился своей охотничьей собакой, которая обещала стать «самым лучшим псом во всем штате». Правда, это был еще не пес, а только щенок, но щенок с большими лапами, тонкой талией и широкой грудью. Голос у него был сильный, звучный, и, судя по угрюмому дикому нраву, щенок обещал вырасти презлющим зверем. Обычно Абнер запирал его дома, но на этот раз щенок как-то вырвался на волю и, конечно, тотчас же пустился искать своего хозяина. Его-то приближение и встревожило отца лисят.

Лисица-мать, убедившись, что все семеро ее дорогих малюток находятся в безопасности — дома, сейчас же побежала навстречу врагу. Она нарочно избрала такой путь, чтобы непременно попасться на глаза собаке, если бы та приблизилась к норе, и действительно вскоре услышала металлический лай, который заставил биться сильнее даже закаленное сердце ее супруга.

Но теперь она не думала о себе. Она увлекла за собою неуклюжего пса, затем, очутившись на безопасном расстоянии от норы, очень просто отделалась от него, сдвоив свой след, и вернулась в нору. Там было все благополучно. Только черномордый лисенок, обыкновенно встречавший ее у входа, на этот раз забился в самую глубь норы и уткнул свой нос в песок.

¹ Домино — здесь: карнавальный костюм с маской.

Минут пять назад он выглянул было из норы, но услышал жуткий, пронзительный собачий лай, и дрожь пробежала у него по всему хребту, до самого кончика пушистого хвоста. Малыш поспешно забрался в самый дальний угол и лежал там скорчившись еще долго после того, как всякая опасность миновала.

До сих пор он жил в мире любви. Теперь в этот мир вторгся страх.

Глава II

НЕСЧАСТЬЕ

Среди охотников очень распространено мнение, будто лиса не трогает того птичника, который ближе всех к ее норе. Она старается не навлечь на себя гнев ближайшего соседа и поэтому предпочитает ходить за добычей на более отдаленные фермы.

Быть может, по этой причине на птичьем дворе Джюкса все было благополучно, а у Бентона то и дело пропадали куры. Старик Бентон вообще не отличался долготерпением, а когда исчезло более четверти его прекрасных кур, он окончательно взбесился.

В следующее воскресенье сыновья Бентона — Сид и Бэд, проходя по вершине холма, услышали лай Джюксовой собаки, напавшей на след лисы. Мальчишки не особенно дружили с собакой и потому не стали вмешиваться в это дело. Они остановились и, наблюдая сверху за происходившей в долине охотой, видели, как ловко лиса провела собаку, когда ей надоело убегать.

Но не успели они тронуться с места, как лиса появилась опять, и на этот раз с белой как снег курицей в зубах. Бентон очень гордился своими породистыми белыми курами, и не было сомнения, что

именно одну из его кур унесла лиса. Белая курица хорошо заметна издали, и мальчики без труда проследили похитительницу до самого входа в нору.

Полчаса спустя они уже стояли среди белоснежных перьев породистой курицы. Мальчики попробовали было просунуть в нору длинный шест, но он застрял в изгибе хода, и лисята, хотя и страшно перепуганные, остались невредимы. Старые лисы в это время метались поблизости в лесу. Испуганные, они убежали от норы, но нора — а в ней остались лисята — тянула их к себе. Они пытались подойти к норе, но каждый раз, услышав голоса людей, отбегали и прятались в кустах.

Хотя нора находилась на земле, принадлежавшей Джюксу, дети Бентона все-таки решили прийти еще раз на другой день и выкопать лисиц. Но лисица-мать уже встревожилась: ее дом стал теперь опасным. Тотчас же начала она рыть новую нору и на рассвете приступила к переноске своего семейства.

У деревенских жителей, если они хотят отобрать лучшего из новорожденных котят, существует простой и естественный способ отбора: они выносят котят в открытое поле. Кошка скоро находит своих детей и начинает перетаскивать их обратно. Тот котенок, которого она возьмет первым, и считается самым лучшим. Это верная примета: самый шустрый котенок всегда выберется из кучи наверх, первый обратит на себя внимание матери, а потому она и несет его домой прежде всех.

В старой норе первым встретил лисицу тот лисенок, который был самым бойким и самым сильным, — Домино, и его первого перенесла она в новое, безопасное убежище. Затем она взяла самую здоровую из его сестер, а в третий раз — маленького крепыша-брата. Отец тем временем сторожил на соседних холмах.

Стало рассветать. Мать пустилась в путь с третьим лисенком, как вдруг отец подал сигнал тревоги.

Мальчики Бентона явились с заступом¹ и киркой, чтобы раскопать лисью нору, но в трех шагах от входа они наткнулись на большой камень. Пока они рассуждали, как им быть, из каменоломни в горах донесся гул взрыва, и план действий был готов. Один из мальчиков сходил в каменоломню и вскоре вернулся с динамитным патроном. Они заложили патрон в трещину камня. Через минуту страшный взрыв потряс склон холма. Когда улеглось облако пыли, оказалось, что взрыв засыпал вход в нору грудой камней. Лисята, без сомнения, были раздавлены или задохлись. Взрыв превратил жилище в могилу, и мальчики ушли.

Если бы они вернулись сюда ночью, они увидели бы, как лисы, отец и мать, разрывали лапами землю и напрасно грызли осколки гранита, стараясь попасть в родную нору. На следующую ночь лисы приходили снова. На третью ночь явилась только одна мать, а затем и она оставила безнадежные попытки.

Глава III НОВЫЙ ДОМ

Новый лисий дом находился на расстоянии мили от прежнего и уже не на вершине холма, а внизу, у реки, там, где она покидает холмы и растекается по лугам. Тут, в широкой лощине, окруженной скалами, где густо переплетались корни осин и берез, лисы устроили новое жилище. Вход в него охраняли два больших гранитных камня. Преведняя нора находилась на склоне холма, в сосновой роще, а эта — в лощине, заросшей осиной. Сосна вечно шумит и вздыхает, осина все время дрожит

¹ Заступ — лопата.

и трепещет. А мимо со звонкой песней катит свои волны река.

У входа в нору начинались густые заросли, которые спускались к заросшей осокой тихой речной заводи. Этот зеленый скат служил местом игр для трех малышей, и здесь все лето можно было десятки раз наблюдать прежнюю сцену возвращения домой охотника-отца с добычей. Вся трава была примята от вечной возни лисят и вытоптана их лапками.

Лисята быстро росли, но быстрее всех рос тот, у которого с каждым днем все темнее становилась маска на мордочке.

Родители принялись обучать их охоте. Лисята почти все уже не сосали мать и ели то же, что и взрослые. И вот теперь отец и мать устраивали так, чтобы детям приходилось добывать пищу как бы самостоятельно. Они уже не приносили добычу к самой норе, а оставляли ее в лесу — все дальше и дальше, по мере того как лисята становились сильнее. Заслышав призыв матери, дети бросались в лес, и там начиналась серьезная игра, от результатов которой зависел обед.

Надо было видеть, как они носились в чаще кустарника, как рыскали и кружили по заросшим травой склонам, разглядывая и обнюхивая каждую ямку!

Как радостно они летели вперед, опрокидывая друг друга, когда ветер подсказывал им, куда бежать, и как прекрасно в конце концов они научились мчаться во весь опор по следу отца или матери прямо к запрятанной пище!

Так они приучались к настоящей охоте.

Темномордый лисенок был самый сметливый, самый сильный и самый ловкий. Он умел лучше всех находить пищу и потому питался лучше всех. Ему всегда доставались самые большие и лакомые куски. Он рос быстрее других лисят, и разница между ними

становилась заметнее с каждым днем. Но у него было и еще одно отличие: его детская темно-серая шубка стала темнеть. У брата и сестры начала пробиваться рыжая и желтая шерсть, свойственная их породе, а у него шерсть день ото дня чернела, а на морде и на лапах сделалась совсем черной.

Был уже конец июля. Старые лисы не только без усталости добывали детям пищу с соседних ферм, но и заботливо оберегали их от всякой опасности. Звонкий лай черной собаки часто раздавался вблизи их лощины, и всегда, услышав его, черный лисенок дрожал. Но каждый раз отец или мать отправлялись навстречу врагу и, обманув его какой-нибудь простой уловкой, заставляли вернуться домой ни с чем. Среди прибрежных скал обмануть собаку было так легко, что лисы стали относиться с пренебрежением к своему неуклюжему противнику и сделались не в меру самоуверенны.

Однажды, когда все три лисенка сновали по полюне в поисках только что принесенной отцом добычи, откуда ни возьмись на них ринулась пятнистая собака.

В ужасе от ее громового рычания, лисята бросились в разные стороны, но младший братишка не успел увернуться: громадные челюсти схватили его.

Страшный зверь принес свою добычу на ферму и, положив к ногам хозяина, смотрел на него, ожидая похвалы. Однако хозяин не похвалил пса.

Беда никогда не приходит одна. На рассвете следующего дня лис-отец бежал домой с только что пойманной уткой, как вдруг собачий лай заставил его свернуть в сторону с привычного и хорошо знакомого пути. Он очутился на дорожке, обнесенной высокой изгородью с обеих сторон. Он не мог перебраться через изгородь, не выпустив изо рта утки. Лис побежал вдоль изгороди, но собаки уже нагоняли его.

Тогда он юркнул в первый попавшийся проход. Увы! Несчастный попал во двор, где жила другая собака, и тут ему пришел конец.

Семья его об этом не узнала. Отец не вернулся домой, не принес добычи. Мать и двое лисят остались голодными. Голод — вот, пожалуй, и все, что они ощущали в этот день. В норе среди осин осталась только мать с двумя детьми. Лисица-мать отважно приняла на себя все тяготы. Впрочем, ее заботы о детях уже почти окончились. В августе они начали ходить вместе с нею далеко на охоту и сами добывали себе пищу. В сентябре дочь была уже с мать ростом, а темношерстый сын значительно перерос ее и стал гораздо сильнее матери.

Теперь между сестрой и братом и между матерью и сыном отношения изменились: обе лисицы начали сторониться этого высокого красавца лиса и наконец стали просто избегать его.

Мать с дочерью еще продолжали жить вместе, но какой-то тонкий инстинкт уже разрушал семейные узы. Они держались дружески с высоким черным лисом, когда встречались случайно, но, по-видимому, избегали этих встреч. Так быстроногий Домино, научившись заботиться о себе, покинул старую осиную ложбинку и начал жизнь лиса-одиночки.

Глава IV

НОВЫЙ НАРЯД И НОВАЯ ЖИЗНЬ

С этих пор Домино вступил в широкий мир, полный житейских бурь, лежавший за пределами родного уголка под тенью осин. Теперь он начал самостоятельную жизнь и должен был полагаться только на собственные силы, чтобы быть сытым и целым. С каждым днем он становился умнее, осторожнее и красивее.